

УДК 821.152.1-93
ББК 84(4Ирл)-44
М155

Eve McDonnell
ELSETIME
Text copyright © Eve McDonnell 2020

Макдоннелл, Ив

М155 Иночас / Ив Макдоннелл ; [пер. с англ. Д. Расковой]. — Астана : Фолиант, 2023. — 264 с.

ISBN 978-601-271-516-3

На дворе 6 января 1928 года, день накануне Великого наводнения. Двенадцатилетняя сиротка Глори работает в ювелирной лавке «Шик-блеск» и создает украшения вместе со своей тайной помощницей, вороной Морокой. Река вот-вот выйдет из берегов, город накрыл сильный снегопад. В этот момент Глори встречает Спицу, который оказался в ее родном Интингтоне, пройдя сквозь время. Смогут ли двое детей и ворона спасти четырнадцать человеческих жизней, которым угрожает надвигающееся стихийное бедствие? Под силу ли им изменить будущее?..

«Иночас» — это невероятная история о смелости, решительности и путешествии во времени от дебютировавшей в зрелом возрасте ирландской писательницы Ив Макдоннелл, которую глубоко впечатлили события, связанные с лондонским наводнением 1928 года.

**УДК 821.152.1-93
ББК 84(4Ирл)-44**

ISBN 978-601-271-516-3

© Д. Раскова, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ТОО «Издательство «Фолиант», 2023

Ив Макдоннелл

ИНОЧАС

Перевод с английского
Дарьи Расковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

*Бобби и Фэй
с любовью*

ПРОЛОГ

Глори, 1927 — Когда пыль осядет

— Кажется, теперь мне ясен смысл этих слов, — сказала Глори зеленой тряпичной кукле, которую сама сшила для себя когда-то. Та сидела у нее в рукаве, наружу из-под манжеты выглядывала одна головка. Балансируя на цыпочках на табурете, давным-давно расписанном ее мамой, девочка изучала верхнюю полку родительского гардероба. Из самой ее глубины она вынула коробку для памятных вещей и аккуратно поставила на деревянную ладонь, стараясь не уронить.

— Когда пыль осядет, — проговорила она таким голосом, будто была куда старше своих одиннадцати лет. — Вот что мне постоянно говорили. Когда мамы не стало, все кругом твердили одно: дела наладятся тогда, когда пыль осядет. Это значит, когда улягутся волнения.

Глори спрыгнула с табурета, и ее кожаные ботинки так грохнули об пол, что снизу, из кухни, послышался голос старшей сестры. Девочка тут же пожурила себя за поднятый шум и закатила глаза.

— Ничего страшного, Ди-Ди! Со мной все хорошо. Просто споткнулась.

Она положила коробку на кровать и изогнула руку так, чтобы лицо куклы смотрело прямо на пыльную крышку.

— Ну что же, Долли, как тебе кажется, пыль, наконец, *осела*?

Глори сделала глубокий вдох и чихнула.

— Я смогу... — сказала она, вытаскивая куклу из рукава, — смогу найти нормальную работу и тоже начну, как взрослая, откладывать по несколько пенсов на арендную плату в копилку Ди-Ди. Понимаешь, нечестно, что ей приходится полночи стоять у печи, чтобы мы продолжали жить в этом доме.

Если бы кукла могла видеть своими пуговичными глазками, она заметила бы проблеск страха во взгляде Глори: ведь остаться сиротой, потеряв от лихорадки всего за несколько недель обоих родителей, — и само по себе тяжкое испытание, а тут еще и страх оказаться на улице.

— Беда ведь не приходит одна. А значит, я просто обязана помочь сестре.

Глори с усилием сглотнула.

Она подняла крышку. Вещей в коробке было не очень много, но все до единой напоминали о маме. Глори медленно провела деревянной ладонью по содержимому и подцепила едва заметным крючком на кончике указательного пальца пару шелковых чулок.

— Сойдут на первое время, — сказала она. — В них мне можно будет дать как минимум шестнадцать, никак не меньше, чем Ди-Ди.

Конечно, и одиннадцатилетние дети находили в городе заработок, не было в этом ничего совсем уж неслыханного. Но Глори обладала достаточным умом, чтобы понимать, что достойные рабочие места доста-

вались только тем подросткам, которые уже окончили школу, и чаще всего мальчикам. Разумеется, Глори никогда не позволила бы тому факту, что она *не* мальчик, встать у себя на пути, и, воспользовавшись мамиными вещами, она готовилась составить солидную конкуренцию любому юноше. А вот об окончании школы не могло быть и речи: несмотря на то, что школьные предметы давались ей легко, строгая директриса не сомневалась, что все усилия учителей будут потрачены впустую, если речь идет о девочке без будущего, каковой ее все считали.

— Они же меня исключили. Из-за этого! — Глори подняла деревянный протез и раздраженно потрясла им в воздухе. — Дурацкая рука. Дурацкая директриса, — пробубнила она и искоса взглянула на куклу. — *Ну что?* — Она могла поклясться, что в пуговицах, заменивших кукле глаза, застыл вопрос. Глори до боли прикусила язык. Да, если бы она сделала это раньше и не высказала всего директрисе, то не исключено, что в эту минуту сидела бы на уроке алгебры. Но ведь не ее вина, что ей было так трудно держать при себе свои чувства, не говоря уже о словах. Все равно она имела право на хорошую работу, разве нет? На карьере в модной лавочке, в которой делали то, что она любила больше всего на свете, — создавали ювелирные украшения.

Глори несколько минут изучала красную помаду, выкрутив ее и любясь изгибами, в точности повторявшими форму маминых губ. Потом аккуратно убрала ее обратно в коробку и сунула под мышку рубиново-красную шляпку-клош, напоминавшую колокольчик. Она перекинула чулки через плечо, обмотала шею ниткой бус и достала из-под кровати пару серо-кремовых шнурованных ботиночек на каблук.

Через несколько минут, украсив себя деталями лучшего маминого наряда, Глори уверенным шагом подошла к зеркалу. Представляя, что перед ней дверь в ювелирную лавку, девочка постучала в стекло и слегка надула губки, как это делают француженки, которых она видела возле гостиницы «Фицрой».

Самым взрослым своим голосом она обратилась к отражению в зеркале:

— Добрый день. От вашей витрины сегодня просто глаз не отвести. Возможно, вас заинтересуют мои творения?

Что, если ей удастся проскочить? Имитация взрослого голоса давалась Глори без особого труда. Он звучал вполне естественно теперь, когда девочка целыми днями и словечком со сверстниками не перекидывалась. Она внимательно осмотрела свое блеклое синее платье и решила при случае позаимствовать одно из гардероба сестры.

— У меня все получится, — сказала она. Ей наверняка удастся найти работу, и тогда домовладелец их пальцем не тронет. Наклонившись вперед, Глори прищурилась и взглянула в собственные глаза в пыльном зеркале. — И кто знает, Глория Шпуллен, если будешь молчать в тряпочку, быть может, однажды обзаведешься собственной ювелирной лавкой. — Она лучше других знала, что из-за отсутствия руки казалась многим безнадежной, но одно было точно: ни на секунду эта девочка не прекращала мечтать.

Она скомкала шляпу и приготовилась было стереть с зеркала слой пыли, но застыла на месте.

— Пожалуй, дам ей еще немного осесть, — прошептала она, а потом подмигнула своему отражению и скрестила пальцы так, что они даже побелели, — на удачу.

СТАРЫЙ ИНТИНГТОН

2 января 1864 года

Давным-давно в городке под названием Интингтон, где улицы вымощены камнем, а небо выстлано черным дымом, стоял пятиарочный мост, мимо которого каждый день катили на гужевых повозках работяги ткацкой и пуговичной фабрик. Именно там и начинается история нашего юного героя, мальчишки из очень бедной семьи, который промышлял поиском давно потерянных и забытых вещей на илистом берегу реки Идейки. Он называл их *сокровищами*, а самого его звали Спицей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самый длинный ноготь у Спицы был на мизинце. Искусно обкусанный до остроты, он служил отличным инструментом для добывания разных вещей. Мальчик нагнулся, поднес к береговому илу ладонь тыльной стороной и одним быстрым движением подцепил что-то, скрытое в нем.

Ш-М-ОК!

Этот звук имел определенную долготу, и, чтобы изобразить его, Спица размыкал губы после паузы на «м». Получалось что-то вроде чмокания и, по ощущениям Спицы, звучало как фиолетовый цвет. Именно так каждый раз появлялись его сокровища.

— Хорошая работа, Сорока. Свезло на колечко. — Спица плюнул на находку и аккуратно потер ее о кожаную ляжку своей заплечной сумки. — *Золотое*. Сверху, вишь, внахлест идет? — Он поднес кольцо прямо к клюву вороны, которая на цыпочках ходила вокруг него. — И глянь-ка, еще четыре лапки, раньше держали кой-то ценный камушек.

Он положил свое сокровище на раскрытую ладонь, и там, где грязный металл касался кожи, ее пронзил болью ледяной холод. Мальчик закрыл глаза в ожидании истории, которую кольцо готовилось ему рассказать. Где-то глубоко внутри, возможно, в биении

своего сердца, он уже ощущал ее шевеление. Спица выпятил грудь, вытянул вверх шею и положил вторую руку на затылок.

— Тута все просто, Сорока. Я вижу трех девчонок, они шлепают вдоль берега жарким днем и делают то, чего, ну, вроде как не надо б делать. — Он украдкой взглянул на свою единственную слушательницу, и его губы тут же растянулись в полной гордости улыбке. — Швыряют, значит, камушки в воду, хотят утопить хлеб, который кое-кто другой бросил на прокорм чайкам. И вот та, в синем платье, кидает хороший такой голыш, а вместе с ним с пальца-то улетает и колечко. А она и не замечает. Тады-то оно еще горело рубином. Чую, девчонка стянула его у своей тетки. Ну и вредная же старуха была. С рубином-то на месте я б еще что-нить рассказал. — Спица открыл глаза, подбросил кольцо в воздух и сразу же поймал. — Это было лет сорок назад, чую, никак не меньше.

В знак благодарности птице за такую находку Спица вытащил из пучка заледеневшей травы червяка, очень аккуратно, стараясь не разорвать его надвое.

— Не зря Па прозвал тебя Сорокой. Может, ты и ворона, но утрешь клюв любой настоящей сороке. Ну, они умеют находить блестящие штуки, а ты-то углядишь сокровища даже под толстенным слоем грязи. Ты — лучший кладоискалец в Интингтоне. — Мальчик внимательно посмотрел на свою ворону. Пылали ли румянцем ее щечки там, под перьями? Возможно. Вот бы и он мог как-то прятать свои, вечно его выдававшие.

Спица соскреб с кольца грязь и поднял его высоко над головой, так, чтобы солнце заиграло на золотом боку.

— Мама-то будет рада. Вставлю сюдой стеклышко, и за него, верно, выручим вот такущий котел тушеной

говядины. А раз Па нет дома, так, глядишь, и тебе, Со-рока, что-нить достанется.

Ценная находка как раз села Спице на указательный палец, а по мере того, как пробуждающиеся фабрики наполняли воздух черным гулом, на дно его мешка постепенно ложились и другие сокровища: полдюжины фарфоровых осколков, медная проволока, две изогнутые монетки, пряжка от ремня, пуговица в форме розы... У каждой мелочи было свое прошлое, отобранное речными водами.

Мальчик и его ворона повернули назад, когда по правую руку показалась старая пекарня, что выходила окнами на реку Идейку, а по левую выросли стены городской тюрьмы. Дальше в такие холодные дни они не ходили: высокие стены отбрасывали на берег тень, и доставать вмерзшие в ил сокровища было слишком трудно. По крайней мере, так мог бы ответить Спица, если бы кто-то спросил его. На самом же деле теперь, когда рядом с ним не было папы, головорезы из пекарни скорее всего забросали бы его горелыми корками хлеба, которые били так больно.

«Не давай им сдачи, вдруг ранишь единственно доброе, что в них осталось», — предупреждала Спицу мама.

«Но если ты уверен, что добра в них нет ни капли, тогда задай им как положено», — добавлял отец.

Вслух перечисляя утренние дары реки, Спица крутил на пальце золотое кольцо: один полный оборот на каждую находку. В его сумке уже собралось многое, что можно было изогнуть, обточить, подкрасить — как-то преобразить с фантазией, и тогда мама постаралась бы продать эти обновленные вещички на рынке, но мальчик по-прежнему ни на секунду не отрывал глаз от берега, высматривая под ногами новые сокровища.

Вдруг он резко присел. Из промерзшего ила, как голова любопытного тюленя, торчало стеклянное горлышко с почерневшей пробкой. «Тебе хочется нам что-нибудь поведать?» — спросил Спица, потолкав его из стороны в сторону. Он натянул на ладонь рукав пальто на случай, если старое стекло лопнет, и потащил бутылку на себя. «Ш-м-ок» — а вот и ответ.

— Да ты глянь-ка, в бутылке письмо! — крикнул Спица своей вороне, которая прыгала по берегу в том месте, где галька встречалась со мхом и травой. Она охотилась за блестящими переливчатыми жуками.

Не поднимаясь с корточек, Спица прислушался к истории находки, держа ее, покрытую илом, в руке. Какое-то время он, не шевелясь, внимал, но вскоре открыл глаза.

— Говорится о мальчике, Сорока. Похоже, чутка старше меня. Чую, он излил в эту бутылку свою душу, — сказал Спица, потирая поверхность стекла большими пальцами. — Тута хранится обещание. Обещание вернуть домой братца, сделать это по тайному плану. — Чтобы было удобнее слушать, Спица забрался на подпорную стену и сел. Он смотрел на бутылку, на то, как мерцала сквозь ее стекло речная вода.

— Письмо-то наверняка порасскажет больше. — Спица вырвал зубами пробку. Вдруг чужая беда научит, как вернуть домой Па?

Он выудил из горлышка свернутую бумажку и, поскольку не умел читать слова обычным способом, положил ее на ладонь, закрыл глаза и начал ждать.

Тайный план автора письма вырисовывался медленно. Надежда росла в душе Спицы, когда внезапно рассказ разбился вдребезги, а за ним и бутылка со звоном разлетелась на тысячи осколков. Холодная рука

схватила Спицу за челюсть. Кто-то стащил мальчика со стены и с силой швырнул на спину.

От удара в легких Спицы не осталось воздуха, он открыл было рот, чтобы закричать, как-то договориться, остановить, сказать что-нибудь, *что угодно*, но не последовало ни звука. Трое головорезов, исполненных ярости и пропитанных жаром раскаленных печей, тянули Спицу за потрескавшиеся губы, скалясь и вопрошая, чего это он язык проглотил. Он видел, как бешено мечется между ними Сорока, когда парни стягивали с его ног кожаные ботинки и выбрасывали их в Идейку подальше от берега, в самую ее глубину. Один из них, здоровый и длиннорукий детина, сорвал с пальца мальчика новое кольцо, за которое тот мечтал выручить котел тушеной говядины.

Они исчезли так же быстро, как появились. Гогоча, скрылись и бросили Спицу лежать на дороге, словно ворох старой одежды. Тот с трудом поднялся и выбрался обратно на берег. Сорока осталась сидеть на стене, склонив голову на бок.

— Ничегошеньки не получилось сказать, чтоб их остановить, — пробормотал Спица, удрученно опустив голову. Почему он не мог просто ответить, когда к нему обращались? После отъезда отца слова намертво застревали у мальчика в горле.

Они не ошиблись: он *и правда* словно язык проглотил.

Спица крепко сжал, а потом расправил голые пальцы ног, касаясь ими ледяной гальки.

— Одиннадцать, — сказал он, пряча ладони под мышки, теперь эти безобразные случаи больше нельзя было пересчитать по пальцам. — Это ж они уже одиннадцатый раз так со мной, слышь, как Па уехал. — Спица взглянул на ворону. Она замерла в неудобной,

угловатой позе: растопыренные крылья, сжатые когти, птица как будто стояла на хрупких яичных скорлупках и боялась пошевелиться, чтоб не раздавить их, а на самом деле — не потревожить еще больше и без того расстроенного мальчика.

— Я справлюся, ну.

Сорока тихонько положила в ладонь Спицы подарок в виде нескольких блестящих жуков.

Тот убрал их в серебряную коробочку.

— Всего восемь. Кажись, хватит, — сказал он, его голос постепенно перестал дрожать. Мальчик начал уже успокаиваться, как вдруг, пряча коробочку в свой заплечный мешок, ощутил острую боль в ноге.

— Ой! — Спица схватился за лодыжку и принялся прыгать по кругу. Он остановился только тогда, когда Сорока, глядя на него, вопросительно склонила голову набок.

— Нет! Дела мои НЕ в порядке! Этот подлец пырнул меня ножом, вот что, — кричал Спица. — Чую, нога искромсана в ошметки. И мама еще по шее надает, — добавил он, представляя, как мама грозит пальцем, показывая на его босые ноги. Он бросил заплечный мешок на замерзшую грязь и бухнулся сверху, не заботясь о хрупком содержимом. Уверенный, что увидит кровь, он оторвал полоску серой хлопковой ткани от рубашки снизу и устроил правую ступню на левом бедре. Взмахнув крыльями, Сорока приземлилась на выставленное колено.

— Болит вот тута, Сорока. Глянь, — прошептал он и, не веря глазам, потер подошву обрывком. — Ни царапинки!

Однако на загрубевшей коже ступни раздувался приличный пузырь. Сорока положила клюв на руку Спицы, как бы обнимая его.

— Это ж волдырь.

Мальчик принялся ползать на четвереньках по берегу с птицей на плече, исследуя промерзший ил и гальку вокруг.

Он первым заметил его.

Маленький треугольник металла с неровными краями, который выплыл на поверхность будто за глотком воздуха. Одному богу известно, сколько он пролежал там, лишенный движения, упрятанный поглубже, затоптанный чайками и омытый приливами и отливами. Это была особенная находка. Спица осторожно коснулась ее и тут же отдернул руку, сморщившись. Он сунул кончик пальца в рот, несмотря на покрывавшую его грязь, и второй рукой быстро указал на металлический осколок, сделав предупреждающий жест вороне.

Треугольник был раскаленный, как только что из адской печи.

*

Подумать только!

Он жил на свете уже двенадцать лет и даже не подозревал о существовании горячих сокровищ! С помощью камней он подцепил осколок металла и переложил на обрывок рубашки, щурясь на выгравированные на нем буквы, а потом завязал края лоскута наподобие котомки и поднял его высоко над головой. *Редкость, небось?* Такая же, как то, что приносил домой Па? Порой его находки были настолько редкими и ценными, что Па стоило просто потереть их пальцем — и те уже готовы отправиться к маме на прилавок. Без малейших переделок. Но это? *Горячее* сокровище?

Спица стал осматривать гальку и ил под ногами в надежде найти еще что-нибудь особенное, он медленно поворачивался вокруг своей оси и постепенно

расширял круг поиска. Кое-что бросилось ему в глаза: если он шурился, берег казался огромной простыней из серого инея. Но на ней в некоторых местах виднелись небольшие округлые пятна заворачивающего голубого цвета, всего четыре. Самое ближнее к Спице находилось справа, в нескольких ярдах¹ от его ног и всего в паре дюймов² от кромки воды. Хромая, Спица бросился к нему, но, оробев, остановился, не доходя двух шагов, а потом присел на корточки.

— Сорока! Ты тока погляди!

Сорока подлетела поближе.

— Смотри. Похоже, как ктой-то оторвал от неба кусочек и уронил к нам на землю.

Сорока величественно прошествовала к загадочной проталине и обошла вокруг нее.

— Ну в тебе чего, нету ни капельки поэзии? Ты что ли не видишь всей этой красоты?

Перед ними была ямка с водой. Поверхность не покрыта льдом и гладкая, как зеркало. В ней без единого изъяна отражалась небесная лазурь.

У края лужицы Сорока расправила крылья.

— Стой! Ты чего?!

Но та, не слушая, уже вошла в воду. Она погрузилась по брюшко, а потом опустила в лужу хвост и взмахнула крыльями.

— Ну-ну, самый подходящий денек для купания наша, дурища!

Спица подобрался поближе и сунул в воду палец.

— Что? — воскликнул он и запустил в лужу уже обе ладони. — Тепленько, ишь ты! Да! Оно точно тута, Сорока, еще одно горячее сокровище. Это оно растопило лед!

¹ Ярд — английская мера длины, равная 91,44 сантиметра.

² Дюйм — английская мера длины, равная 2,54 сантиметра.

Мальчик принялся вычерпывать воду пригоршнями, пока наконец не добрался до того, что искал. Перед ним лежал неровный кусок металла, на этот раз более внушительных размеров, на нем легко было разобрать четкие буквы таинственного послания.

Потом он скакал от одной голубой лужи к другой, собирая фрагменты, и вскоре в его хлопковом узелке уже лежали пять кусков горячего сокровища. Держа ценный груз перед собой, как морковку перед осликом, он помчался с ним назад к Петельному мосту.

Там, с узелком в зубах, Спица оглянулся, проверяя, не видит ли его кто, и быстро полез по каменным плитам моста между первой и второй арками. Очутившись над черными водами реки Идейки, мальчик обнаружил, что плоские гранитные блоки очень скользкие, поэтому он шепотом призвал свои руки и ноги к осторожности. Прямо над второй аркой, в том месте, где он едва не задевал головой балку, поддерживающую дорожное полотно, Спица полез в щель немногим шире его собственного тела.

Этот лаз, незаметный сверху, образовался потому, что в конструкции моста не хватало одного каменного блока. При строительстве его отсутствию никто не придал значения, ведь какой смысл делать то, чего никто все равно не увидит? Так что оставивший лазейку строитель был умным, прямо как Па. Но Па был *настолько* умным, что его услуги понадобились кому-то далеко-далеко от дома. Даже *слишком далеко*. Папа отсутствовал так долго, что больно было вспоминать.

Просунув в лаз голову и плечи, Спица не глядя потянулся рукой к поясу. Там он нащупал веревку, которой всегда обвязывался, внимательно обследовал ее и нашел на конце ключик. Потом перегнулся, лег на

живот, и, отыскав замок в маленькой деревянной дверце, вставил ключ в замочную скважину. Послышался ставший привычным лязг красивого рубинового цвета. Спица надавил на дверь и вполз внутрь.

Сжимая в руке заветный узелок и с готовыми сорваться с губ словами «Смотри, Па!», он молча остановился посреди тайной комнаты в глубинах Петельного моста и внезапно вспомнил, что единственного человека, с которым ему хотелось бы поделиться своей радостью, давно нет рядом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В тайной комнате над второй аркой Петельного моста Спица опустошил свой узелок, высыпав его содержимое на верстак. Поднимая каждый осколок маленькими щипчиками, он подогнал острые края друг к другу. Получился неполный прямоугольник.

— Ты, я смотрю-ка, важная табличка, такие вроде как зовут *мемориальными*, — сказал Спица, глядя на верстак. — Тока тебе не хватает одного квадрата в самом низу. — Он схватил старую шпильку, которую вымыло на берег уже очень давно и у которой не было своей интересной истории, и стал выковыривать грязь из выгравированных на табличке букв.

— Где это тебя носило? — спросил Спица у Сороки, когда та влетела в комнату через свой собственный маленький лаз. — Как по мне, Сорока, сегодня боги сокровищ прям-таки насыпали удачи нам на головы.

Та внимательно посмотрела наверх, на мальчика.

— Ну так да, откуда же еще это все взялось? Точно-точно, так-то и можно объяснить этот горячий клад и все прочие прелести в нашей сокровищнице, — сказал Спица и махнул рукой в направлении жестянок и деревянных ящичков, заполненных всевозможными речными богатствами: кусочками металла, фигурными пуговицами, осколками тонкого фарфора с ручной

росписью... Он кивнул и в сторону банок, до краев засыпанных обломками украшений, сверкающими морскими стеклышками, которые напоминали драгоценные камни, и другими таинственными симпатичными вещицами, которым он не успел дать названия.

Не все они, конечно, были находками Спицы. Его отец устроил это местечко, чтобы хранить в нем сокровища *их обоих*. Он превратил пустую комнату над второй аркой в мастерскую с полками, верстаком и гнездом для Сороки: в толстой доске вырезал неглубокую ямку, которую птица выложила кусками веревок, собранных на берегу, и веточками. Здесь отец научил Спицу слушать истории добытых сокровищ и здесь же при свете свечи они вместе придумывали, как превратить давно утерянные кем-то вещи в нечто стоящее, что можно продать на рынке.

Сорока выпустила из клюва большой кусок скона¹ и защебетала, как птенец.

— Ты что же, никак летала в пекарню? А камнями они в тебя не бросались? — Спица спешно отложил в сторону шпильку и стал внимательно осматривать крылья вороны, нет ли увечий, потом пересчитал пальцы на лапках. Сорока курлыкнула в ответ на заботу, и Спица, внезапно почувствовавший страшный голод, потянулся за сконом. — Спасибо, ну.

Странно, булочка все еще хранила тепло, как только что из печи. Однако для верности Спица все же сначала проверил, нет ли на ней зеленых островков плесени. Потом откусил с краю. Хрустящая золотистая корочка треснула под его зубами, и только тогда он осознал, что за чудесное лакомство ему досталась.

¹ Скон — это разновидность сладкой выпечки родом с Британских островов.

Какая воздушная мягкость! Скон был сладким и ароматным, таких Спица не пробовал никогда прежде. Доев, он взглянул Сороке прямо в глаза.

— Где ты его раздобыла, а?

Это явно не было творением рук подлецов из пекарни.

Сорока широко раскинула крылья и обдала его волной теплого воздуха.

Не дожидаясь ответа, Спица сдул крошки с металлических осколков.

— Вот ты как думаешь, что тут написано, Сорока? — спросил он и почувствовал, как глубоко в животе все задрожало и затряслось от волнения. — Вдруг про то, как найти королевское золото? Или как сделать колдунское зелье?

Сорока каркнула.

— А может быть, тут говорится, что ты лучшая ворона во всем городе? — Он ласково прижал крылья Сороки к ее бочкам и взял птицу в ладони. — Я маму попрошу, она-то прочитает. — Он почувствовал, что Сорока хочет улететь. — Но не сейчас, да? — Нужно было сделать что-то особенное для маминого прилавка на рынке. Разве он мог забыть цвет ее голоса, когда домовладелец стучал к ним в дверь? — У меня, знаешь, есть одна идея. Подсвечник с цифрами тысяча восемьсот шестьдесят четыре. Как тебе, а?

Спица выпустил из рук ворону и обратился к разложенным справа от него незаконченным рождественским украшениям. Всевозможные речные находки теперь были искусно склеены, спаяны и сшиты друг с другом, превратившись в изящные и в то же время крепкие причудливые вещицы. Он собрал их и развешил на себе — по несколько игрушек на каждый палец,

уподобившись праздничному дереву, постоял так немного, а потом сложил все в пустующий деревянный ящик.

— Еще б сюда стеклянную бусинку да медную закорючку, ну да ладно, можно оставить до следующего-то года. — Он вытащил из-за верстака металлический поднос и положил сверху на деревянный ящик, как крышку. Потом перенес на него осколки горячего сожжения в надежде, что тепло разойдется по металлу, а вслед за ним согреются и его пальцы.

— Вот, — сказал он, вынимая серебряную жучью коробочку из кармана своего заплечного мешка. Внутри лежали восемь сонных жуков, пойманных Сорокой сегодня. Он достал одного из них и остановился, наблюдая, как тот расправляет лапки. А потом поцеловал его, попросил прощения и оторвал крылышки. — Угощайся, Сорока. Тока крылушки, чур, мои.

Пока птица наслаждалась завтраком, мальчик готовился к работе. По своему старинному, им самим заведенному обычаю Спица потянул за веревочку на шее, пока в просвете воротника не показался висевший на ней гладкий овальный камешек. Мальчик зажал его между пальцами и заглянул в дырочку в центре. Он невероятно дорожил этим камнем, потому что это была одна из первых совместных находок его и Па. *Редкий куриный бог*, как называл его Па.

— Послушай-ка мое дыхание, Сорока. Оно замедливается, кады я гляжу сквозь эту дырочку. Па говорит, что замедливается прямо даже само время, а он-то не дурак. — Спица прищурился и почувствовал, как в душе затихают волнения. Тревога за отца убывает. Узел в животе, который затягивается при каждой попытке заговорить, ослабевает. Комок в горле от цвета

маминых слов, когда она извиняется, что обед похож на вчерашний, тает. В такие моменты он будто бы попадал в другой мир, лучший мир. Он опустил камешек обратно за ворот рубашки, сделал глубокий вдох и принялся за работу.

Прошло несколько часов, прежде чем Спица вытащил из кармана обрывок бумаги и изучил изгиб каждой цифры в числе 1864, которое записала для него мама. Он потер большим пальцем ручку своего новенького подсвечника — это была изогнутая вилка с широко разведенными зубцами, облепленная для пущей красоты морскими стеклышками, — и решил, где лучше сделать гравировку. Потом, набираясь храбрости, прошептал своим нервным пальцам пожелание удачи и взялся за дело.

Снова проголодавшаяся Сорока начала суетиться.

— Ну ты ж добудешь еще тех чудесных сконов, да? — Это прозвучало скорее как наказ, чем как предложение, и Спица тут же об этом пожалел. — Мама бы очень обрадовалась, — добавил он с извиняющейся улыбкой.

Сорока все же повременила с отлетом и ответила ему на своем языке жестов. Она повернула голову так, чтобы видеть всего Спицу одним глазом, потом вытянула ногу и снова поджала ее. Спица воспринял это как знак того, что *все хорошо*.

*

Когда Спица вернулся домой, уже стемнело. Он толкнул дверь, и в лицо ему пахнуло теплым воздухом и чем-то очень вкусным. Мальчик украдкой пробрался к столу в центре маленькой кухоньки. Мама стояла у плиты спиной к нему и даже не пошевелилась, разве что легонько вздрогнула.